

В вагоне

Почтовый поезд номер такой-то мчится на всех парах от станции Веселый Трах-Тарарах до станции Спасайся, кто может!. Локомотив свистит, шипит, пыхтит, сопит... Вагоны дрожат и своими неподмазанными колесами воют волками и кричат совами. На небе, на земле и в вагонах тьма... Что-то будет! что-то будет! стучат дрожащие от старости лет вагоны... Огого-гого-о-о! подхватывает локомотив... По вагонам вместе с карманолюбцами гуляют сквозные ветры. Страшно... Я высовываю свою голову в окно и бесцельно смотрю в бесконечную даль. Все огни зеленые: скандал, надо полагать, еще не скоро. Диска и станционных огней не видно... Тьма, тоска, мысль о смерти, воспоминания детства... Боже мой!

Грешен!! шепчу я. Ох, как грешен!..

Кто-то лезет в мой задний карман. В кармане нет ничего, но все-таки ужасно... Я оборачиваюсь. Предо мной незнакомец. На нем соломенная шляпа и темно-серая блуза.

Что вам угодно? спрашиваю я его, ощупывая свои карманы.

Ничего-с! Я в окно смотрю-с! отвечает он, отдергивая руку и налегая мне на спину.

Слышен сиплый пронзительный свист... Поезд начинает идти всё тише и тише и наконец останавливается. Выхожу из вагона и иду к буфету выпить для храбрости. У буфета теснится публика и поездная бригада.

Гм... Водка, а не горько! говорит солидный обер-кондуктор, обращаясь к толстому господину. Толстый господин хочет что-то сказать и не может: поперек горла остановился у него годовалый бутерброд.

Жиндаррр!!! Жиндарррр!!! кричит кто-то на платформе таким голосом, каким во время оно, до потопа, кричали голодные мастодонты, ихтиозавры и плезиозавры... Иду посмотреть, в чем дело... У одного из вагонов первого класса стоит господин с кокардой и указывает публике на свои ноги. С несчастного, в то время когда он спал, стащили сапоги и чулки...

В чем же я поеду теперь? кричит он. Мне до Ррревеля ехать! Вы должны смотреть!

Перед ним стоит жандарм и уверяет его, что здесь кричать не приходится...

Иду в свой вагон 224. В моем вагоне всё то же: тьма, храп, табачный и сивушный запахи, пахнет русским духом. Возле меня храпит рыженький судебный следователь, едущий в Киев из Рязани... В двух-трех шагах от следователя дремлет хорошенькая... Крестьянин, в соломенной шляпе, сопит, пыхтит, переворачивается на все бока и не знает, куда положить свои

длинные ноги. Кто-то в углу закусывает и чамкает во всеуслышание... Под скамьями спит богатырским сном народ. Скрипит дверь. Входят две сморщенные старушонки с котомками на спинах...

Сядем сюда, мать моя! говорит одна. Темень-то какая! Искушение да и только... Никак наступила на кого... А где Пахом?

Пахом? Ах, батюшты! Где ж это он? Ах, батюшты!

Старушонка суется, открывает окно и осматривает платформу.

Пахо-ом! дребезжит она. Где ты? Пахом! Мы тутотко!

У меня беда-а! кричит голос за окном. В машину не пускают!

Не пускают? Который это не пускает? Плюнь! Не может тебя никто не пустить, ежели у тебя настоящий билет есть!

Билеты уже не продают! Касс заперли!

По платформе кто-то ведет лошадь. Топот и фыркание.

Сдай назад! кричит жандарм. Куда лезешь? Чего скандалишь?

Петровна! стонет Пахом.

Петровна сбрасывает с себя узел, хватает в руки большой жестяной чайник и выбегает из вагона. Бьет второй звонок. Входит маленький кондуктор с черными усиками.

Вы бы взяли билет! обращается он к старцу, сидящему против меня.

Контролер здесь!

Да? Гм... Это нехорошо... Какой?.. Князь?

Ну... Князя сюда и палками не загонишь...

Так кто же? С бородой?

Да, с бородой...

Ну, коли этот, то ничего. Он добрый человек.

Как хотите.

А много зайцев едет?

Душ сорок будет.

Ннно? Молодцы! Ай да коммерсанты!

Сердце у меня сжимается. Я тоже зайцем еду. Я всегда езжу зайцем. На железных дорогах зайцами называются гг.пассажиры, затрудняющие разменом денег не кассиров, а кондукторов. Хорошо, читатель, ездить зайцем! Зайцам полагается, по нигде еще не напечатанному тарифу, 75% уступки, им не нужно толпиться около кассы, вынимать ежеминутно из кармана билет, с ними кондуктора вежливее и... всё что хотите, одним словом!

Чтоб я заплатил когда-нибудь и что-нибудь!? бормочет старец. Да никогда! Я плачу кондуктору. У кондуктора меньше денег, чем у Полякова!

Дребезжит третий звонок.

Ах, матушки! хлопочет старушонка. Где ж это Петровна? Ведь вот уж и третий звонок! Наказание божие... Осталась! Осталась бедная... А вещи ее тут... Што

с вещами-то делать, с сумочкой? Родимые мои, ведь она осталась!

Старушонка на минуту задумывается.

Пущай с вещами остается! говорит она и бросает сумочку Петровны в окно.

Едем к станции Халдеево, а по путеводителю Фрум Общая Могила. Входят контролер и обер-кондуктор со свечой.

Вашшш... билеты! кричит обер-кондуктор.

Ваш билет! обращается контролер ко мне и к старцу.

Мы ёжимся, сжимаемся, прячем руки и впиваемся глазами в ободряющее лицо обер-кондуктора.

Получите! говорит контролер своему спутнику и отходит. Мы спасены.

Ваш билет! Ты! Ваш билет! толкает обер-кондуктор спящего парня. Парень просыпается и вынимает из шапки желтый билетик.

Куда же ты едешь? говорит контролер, вертя между пальцами билет. Ты не туда едешь!

Ты, дуб, не туда едешь! говорит обер-кондуктор. Ты не на тот поезд сел, голова! Тебе нужно на Живодерово, а мы едем на Халдеево! Вааазьми! Вот не нужно быть никогда дураком!

Парень усиленно моргает глазами, тупо смотрит на улыбающуюся публику и начинает тереть рукавом глаза.

Ты не плачь! советует публика. Ты лучше попроси! Такой здоровый болван, а ревешь! Женат небось, детей имеешь.

Вашшш... билет!.. обращается обер-кондуктор к косарю в цилиндре.

Га?

Вашшш... билеты! Поворачивайся!

Билет? Нешто нужно?

Билет!!!

Понимаем... Отчего не дать, коли нужно? Даадим! Косарь в цилиндре лезет за пазуху и со скоростью двух с половиною вершков в час вытаскивает оттуда засаленную бумагу и подает ее контролеру.

Кого даешь? Это паспорт! Ты давай билет!

Другого у меня билета нету! говорит косарь, видимо встревоженный.

Как же ты едешь, когда у тебя нет билета?

Да я заплатил.

Кому ты заплатил? Что врешь?

Кондуктырю.

Какому?

А шут его знает какому! Кондуктырю, вот и всё... Не бери, говорил, билета, мы тебя и так провезем... Ну, я и не взял...

А вот мы с тобой на станции поговорим! Мадам, ваш билет!

Дверь скрипит, отворяется, и ко всеобщему нашему удивлению входит

Петровна.

Насилу, мать моя, нашла свой вагон... Кто их разберет, все одинаковые... А Пахома так и не впустили, аспиды... Где моя сумочка?

Гм... Искушение... Я тебе ее в окошко выбросила! Я думала, что ты осталась! Куда бросила?

В окно... Кто ж тебя знал?

Спасибо... Кто тебя просил? Ну да и ведьма, прости господи! Что теперь делать? Своей не бросила, паскуда... Морду бы свою ты лучше выбросила! Аaaa... штоб тебе повылазило!

Нужно будет со следующей станции телеграфировать! советует смеющаяся публика.

Петровна начинает голосить и нечестиво браниться. Ее подруга держится за свою суму и также плачет. Входит кондуктор.

Чьи веш-ш-ш...чи! выкрикивает он, держа в руках вещи Петровны.

Хорошенькая! шепчет мне мой vis--vis старец, кивая на хорошенькую.

Г-м-м-м... хорррошенькая... Чёрт подери, хлороформу нет! Дал бы ей понюхать, да и целуй во все лопатки! Благо все спят!..

Соломенная шляпа ворочается и во всеуслышание сердится на свои непослушные ноги.

Ученые... бормочет он. Ученые... Небось, против естества вещей и предметов не пойдешь!.. Ученые... гм... Небось не сделают так, чтоб ноги можно было отвинчивать и привинчивать по произволению!

Я тут ни при чем... Спросите товарища прокурора! бредит мой сосед-следователь.

В дальнем углу два гимназиста, унтер-офицер и молодой человек в синих очках при свете четырех папирос жарят в картеж...

Направо от меня сидит высокая барыня из породы само собою разумеется. От нее разит пудрой и пачулями.

Ах, что за прелесть эта дорога! шепчет над ее ухом какой-то гусь, шепчет приторно до... до отвращения, как-то французисто выговаривая буквы г, н и р. Нигде так быстро и приятно не бывает сближение, как в дороге! Люблю тебя, дорога!

Поцелуй... Другой... Чёрт знает что! Хорошенькая просыпается, обводит глазами публику и... бессознательно кладет головку на плечо соседа, жреца Фемиды... а он, дурак, спит!!

Поезд останавливается. Полустанок.

Поезд стоит две минуты... бормочет сиплый, надтреснутый бас вне вагона.

Проходят две минуты, проходят еще две... Проходит пять, десять, двадцать, а поезд всё еще стоит. Что за чёрт? Выхожу из вагона и направляюсь к локомотиву.

Иван Матвеич! Скоро ж ты, наконец? Чёрт! кричит обер-кондуктор под локомотив.

Из-под локомотива выползает на брюхе машинист, красный, мокрый, с куском сажи на носу...

У тебя есть бог или нет? обращается он к обер-кондуктору. Ты человек или нет? Что подгоняешь? Не видишь, что ли? Ааа... чтоб вам всем повылазило!.. Разве это локомотив? Это не локомотив, а тряпка! Не могу я везти на нем! Что же делать?

Делай что хочешь! Давай другой, а на этом не поеду! Да ты войди в положение...

Помощники машиниста бегают вокруг неисправного локомотива, стучат, кричат... Начальник станции в красной фуражке стоит возле и рассказывает своему помощнику анекдоты из превеселого еврейского быта... Идет дождь... Направляюсь в вагон... Мимо мчится незнакомец в соломенной шляпе и темно-серой блузе... В его руках чемодан. Чемодан этот мой... Боже мой!